

RU

Старчество и младостарчество в современной России: богословские критерии различения и пастырские пути преодоления

Бельдюгин П. С.

Аннотация. Цель исследования состоит в установлении богословски обоснованных критериев различения подлинного старчества и младостарчества, а также в определении системы церковно-практических мер, направленных на преодоление младостарчества как устойчивой деформации духовного руководства в современной России. В статье последовательно раскрываются историческое становление старческой традиции, её догматико-аскетические и экклезиологические основания, уточняется терминологическое содержание понятий «старец» и «младостарец», выявляются типологические признаки младостарчества, его исторические, социально-психологические и внутрицерковные причины, а также последствия для личности, общины и церковного сознания. Научная новизна исследования заключается в том, что младостарчество определено как системное внутрицерковное явление, имеющее не только дисциплинарный, но и антропологический, экклезиологический и пастырский характер; установлено, что решающим критерием разграничения старчества и младостарчества выступает не возраст, сан или статус наставника, а степень его духовной зрелости, выражающаяся в даре рассуждения, смирении, личном аскетическом опыте, любви, уважении к свободе духовного чада и верности церковному преданию. В результате исследования разработана четырёхуровневая модель преодоления младостарчества, включающая богословский, образовательный, институциональный и пастырско-практический уровни.

EN

Eldership and junior eldership (mladostarchestvo) in modern Russia: theological criteria for distinction and pastoral ways of overcoming

P. S. Beldyugin

Abstract. The research aims to establish theologically grounded criteria for distinguishing genuine eldership (starchestvo) from junior eldership (mladostarchestvo) and to define a system of church-practical measures directed toward overcoming mladostarchestvo as a persistent deformation of spiritual guidance in modern Russia. The article sequentially reveals the historical formation of the eldership tradition and its dogmatic-ascetic and ecclesiological foundations. The work clarifies the terminological content of the concepts “elder” (starets) and “young elder” (mladostarets), identifying the typological features of mladostarchestvo, its historical, socio-psychological, and intra-church causes, as well as its consequences for the individual, the community, and the ecclesial consciousness. The scientific novelty of the study lies in defining mladostarchestvo as a systemic intra-church phenomenon of not only a disciplinary but also an anthropological, ecclesiological, and pastoral nature. It is established that the decisive criterion for differentiating genuine eldership from junior eldership is not the age, rank, or status of the mentor, but rather their degree of spiritual maturity. This maturity is expressed through the gift of discernment, humility, personal ascetic experience, love, respect for the freedom of the spiritual child, and fidelity to Church Tradition. As a result of the research, a four-level model for overcoming mladostarchestvo has been developed, encompassing theological, educational, institutional, and pastoral-practical levels.

Введение

Институт старчества, имеющий глубокие корни в православной аскетической традиции, представляет собой уникальный феномен духовного наставничества, основанный на личном духовном опыте, даре рассуждения и харизматическом авторитете. В истории Русской Православной Церкви старчество занимает особое место, являясь одним из наиболее плодотворных проявлений православной духовности. Возникнув в монашеской среде, этот институт оказал значительное влияние на духовную жизнь не только монашествующих,

но и мирян, став важным фактором духовного просвещения и нравственного преображения общества (Смолич, 1997; Игнатия (Пузик), 1999, с. 24).

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что наряду с возрождением подлинных старческих традиций в постсоветский период широкое распространение получило явление «младостарчества» – имитация старчества людьми, не имеющими соответствующего духовного опыта и харизматических дарований. Это явление было официально признано Архиерейским Собором РПЦ 2000 года (Постановление Священного Синода..., 1998; О вопросах внутренней жизни..., 2011) и остаётся актуальным вызовом для церковной жизни. Младостарчество искажает подлинный смысл духовного руководства и может приводить к серьёзным духовным, психологическим и социальным проблемам (Емельянов, 2019). Вместе с тем необходимо отметить, что явление это не является исключительно постсоветским: отдельные его черты фиксировались в церковной жизни и в более ранние эпохи, о чём свидетельствуют предостережения святителя Игнатия (Брянчанинова) (2003) и других аскетических писателей (Феофан Затворник, 2009, с. 45). Постсоветский период лишь создал особенно благоприятные условия для его распространения.

Степень разработанности проблемы в научной литературе неравномерна: если феномен старчества достаточно хорошо изучен в богословской и исторической перспективах, то проблема младостарчества до сих пор не получила системного научно-богословского осмысления. Среди современных работ, посвящённых данной теме, следует выделить статью протоиерея Павла Великанова (2019), психологическое исследование М. С. Филоник (2015), социологический анализ протоиерея Николая Емельянова (2019), а также пастырско-практические работы игумена Нектария (Морозова) (2019). Тем не менее существующие публикации носят преимущественно публицистический или узкоспециализированный характер и не интегрированы в целостную концептуальную рамку.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

- 1) исследовать историческую эволюцию института старчества от раннехристианского монашества до наших дней;
- 2) выявить богословские основания и сущностные характеристики старчества в православной традиции;
- 3) определить критерии подлинного старчества на основе святоотеческого учения;
- 4) провести терминологический анализ понятий «старец» и «младостарец»;
- 5) проанализировать феномен младостарчества, его признаки и формы проявления, в том числе на конкретных примерах;
- 6) исследовать причины возникновения и распространения младостарчества;
- 7) разработать рекомендации по преодолению проблемы младостарчества на богословском, образовательном, институциональном и пастырско-практическом уровнях.

Методологическую основу исследования составляет комплексный богословско-исторический, аскетико-герменевтический и пастырско-аналитический подход. В работе использованы экзегетический метод – для выявления библейских (Библия, 2011) и святоотеческих оснований духовного руководства; сравнительно-богословский метод – для сопоставления различных православных интерпретаций старчества и духовничества; историко-генетический метод – для анализа становления старческой традиции и исторических предпосылок младостарчества; сравнительно-исторический метод – для сопоставления практик духовного руководства в различные эпохи церковной истории; понятийно-терминологический анализ – для уточнения содержания ключевых категорий; типологический метод – для систематизации признаков младостарчества; метод вторичного анализа социологических и психологических данных – для интерпретации современных описаний деструктивных форм духовного руководства; метод пастырско-практического моделирования – для формулирования рекомендаций, ориентированных на церковную практику.

Теоретическая база исследования. Центральное место в исследовании занимает труд И. К. Смолича (1997) «Русское монашество: 988-1917. Жизнь и учение старцев» – наиболее полное и систематическое изложение истории старчества в России. Смолич определяет старчество как особое харизматическое служение, принципиально отличное от иерархического священства: оно основано не на институциональной власти, а на личном духовном опыте и даре рассуждения (*δίκρισις*). Это различие имеет решающее значение для понимания природы младостарчества.

Исторический контекст формирования русской старческой традиции представлен в труде протоиерея С. Четверикова (2006) о преподобном Паисии Величковском, показывающем, как афонские традиции исихазма были перенесены на русскую почву.

Богословское осмысление старчества как духовного врачевания содержится в труде митрополита Иерофея (Влахоса) (2020) «Православная психотерапия»: подлинный духовный наставник – тот, кто сам прошёл путь очищения от страстей (*κάθαρσις*), просвещения ума (*φωτισμός*) и достиг меры обожения (*θεώσις*).

Святоотеческое учение о духовном руководстве и опасностях прелести систематически изложено в «Приношении современному монашеству» святителя Игнатия (Брянчанинова) (2003), который даёт чёткие критерии для различения подлинного и ложного духовного руководства.

Практическая значимость исследования заключается в разработке конкретных рекомендаций для преодоления проблемы младостарчества на различных уровнях церковной жизни. Результаты могут быть использованы в разработке учебных программ для духовных учебных заведений, в пастырской практике и просветительской работе с мирянами.

Обсуждение и результаты

Прежде чем обратиться к историческому и богословскому анализу, необходимо рассмотреть сами понятия «старец» и «младостарец», поскольку их смысловое наполнение не является однозначным ни в церковной практике, ни в научной литературе.

Термин «старец» (греч. γέρων, лат. senex) первоначально имел возрастное значение, обозначая пожилого, умудрённого опытом человека. В раннехристианской монашеской традиции им стали называть опытных подвижников независимо от физического возраста – тех, кто благодаря аскетическим трудам достиг высокого уровня духовного совершенства и обладал даром наставничества (Смолич, 1997). Таким образом, уже в ранний период старчество понималось не как возрастная категория или должность, а как особое харизматическое служение.

И. К. Смолич предлагает наиболее точное научное определение: старец – это «харизматический руководитель, имеющий дар духовного рассуждения (διάκρισις) и ведущий ученика путём откровения помыслов к обожению». Принципиально важно, что это определение не включает ни возраст, ни сан, ни какую-либо административную должность (Смолич, 1997, с. 347). Митрополит Иерофей (Влахос) (2020, с. 241) уточняет: старец – это «духовный врач», сам исцелившийся от страстей и потому способный исцелять других. Обе дефиниции взаимодополняют друг друга: первая акцентирует харизматический дар, вторая – личный опыт духовного здоровья как его необходимое условие.

Понятие «младостарец» значительно сложнее поддаётся строгому дефинированию. Сам термин является относительно новым: он вошёл в широкий церковный обиход в конце 1990-х годов и был закреплён постановлением Священного Синода 1998 г. В официальных церковных документах младостарчество описывается через его признаки, но не определяется в строгом смысле. В научной литературе наиболее операциональное определение предлагает протоиерей Павел Великанов: «Младостарчество – это присвоение функций и авторитета старца лицами, не имеющими соответствующих харизматических дарований, надлежащего духовного опыта и смирения, сопровождающееся директивным управлением жизнью духовных чад и созданием нездоровой психологической зависимости» (2019, с. 210). М. С. Филоник (2015, с. 108-109) дополняет это определение психологическим измерением, указывая на специфические механизмы подавления личности и нарушения личностных границ.

Следует отметить существенную проблему имеющихся дефиниций: граница между «неопытным, но добросовестным» духовником и «младостарцем» в них нередко размыта. Ключевым разграничительным критерием, который позволяет преодолеть эту размытость, представляется не столько возраст или стаж священнослужения, сколько соотношение биологического и духовного возраста. Молодой священник может быть подлинным пастырем, если осознаёт границы своих возможностей и не претендует на старческий авторитет; зрелый по годам иерей может проявлять типичные черты младостарчества. Таким образом, биологический возраст сам по себе не является ни достаточным, ни необходимым условием ни для старчества, ни для младостарчества. Решающее значение имеет духовный возраст – степень очищения от страстей, мера смирения и подлинность дара рассуждения, – который может существенно расходиться с биологическим (Игнатий (Брянчанинов), 2003, с. 298-305).

В египетском монашестве IV-V веков формируется практика духовного окормления, при которой новонаблюдательный монах вверял себя руководству опытного аввы. Эта практика описана в «Изречениях пустынных отцов» и «Лавсаике» (Древний патерик..., 2006; Сидоров, 2019, с. 22). В византийской традиции институт старчества получил дальнейшее развитие в рамках исихастского движения. Преподобный Симеон Новый Богослов (949-1022) особое внимание уделял роли духовного отца в передаче молитвенного опыта, подчёркивая, что истинный наставник должен сам иметь опыт богообщения (Симеон Новый Богослов, 2006).

В русской духовной традиции старчество как особое явление церковной жизни получило распространение благодаря преподобному Паисию Величковскому (1722-1794), принёсшему на русскую почву традиции исихазма и практику «умного делания» (Четвериков, 2006). Его ученики основали старческую традицию в Оптиной пустыни, ставшей центром духовного просвещения России XIX века. Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, В. С. Соловьёв, К. Н. Леонтьев и многие другие выдающиеся деятели русской культуры посещали Оптину пустынь и находились под влиянием оптинских старцев (Концевич, 1970; Зоберн, 2006, с. 41).

В советский период традиция старчества сохранялась в немногих действующих монастырях – в частности, в Псково-Печерском монастыре – а также среди отдельных подвижников. Среди известных старцев этого периода следует назвать схиигумена Савву (Остапенко), архимандрита Иоанна (Крестьянкина), схиархимандрита Серафима (Романцова) (Шкаровский, 2010). С началом церковного возрождения в конце 1980-х годов началось и возрождение института старчества, однако этот процесс сопровождался искажениями, связанными с утратой преемственности и дефицитом опытных наставников (Емельянов, 2019; Балашов, 2001, с. 104).

С богословской точки зрения, институт старчества основывается на нескольких фундаментальных принципах православного учения о спасении и духовной жизни.

Во-первых, это принцип синергии – сотрудничества божественной благодати и человеческой свободы. Старец выступает как посредник, через которого действует благодать, при этом не заменяя собой Христа и не подменяя личной ответственности ученика (Воробьев, 2005). Митрополит Антоний (Блум) (2018) особо подчёркивал, что духовное руководство никогда не должно превращаться в духовное насилие.

Во-вторых, старчество основывается на экклезиологическом принципе соборности (Каллист (Уэр), 2001, с. 215). Как отмечал протоиерей Георгий Флоровский, «старчество есть харизматическое служение в Церкви, основанное на даре различения духов и духовного рассуждения» (1983, с. 412). Это служение отличается от иерархического священства, хотя и не противоречит ему (Смолич, 1997).

В-третьих, старчество связано с пневматологическим аспектом православного богословия: старец является носителем дара рассуждения (*διάκρισις*), позволяющего различать помыслы и находить «царский путь» в духовной жизни (Иоанн Кассиан Римлянин, 1993).

В-четвёртых, старчество тесно связано с православной антропологией (Лоргус, 2003, с. 88): старец выступает как духовный врач, способный диагностировать духовные болезни и предлагать средства для их исцеления (Иерофей (Влахос), 2020). Именно поэтому, как показывает Ж.-К. Ларше (2021), неочищенные страсти наставника – властолюбие (*φιλαρχία*), тщеславие (*κενοδοξία*) и гордость (*ὕπερηφανία*) – могут маскироваться под духовные дары и приводить к тяжёлым последствиям для духовных чад.

В святоотеческой литературе выработан ряд критериев, позволяющих отличить истинное старчество от его имитаций.

Дар рассуждения (*διάκρισις*) считается важнейшим из них. Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин называет рассуждение «источником и корнем всех добродетелей» (1993, с. 156). Истинный старец никогда не даёт формальных шаблонных советов: «Не всем одно и то же приличествует, – пишет преподобный Иоанн Лествичник, – по причине неодинакового душевного устройства» (2007, с. 89).

Смирение является фундаментальной добродетелью духовного руководителя. Преподобный Исаак Сирин пишет: «Блажен человек, который знает свою немощь, потому что это знание делается для него основанием, корнем и началом всякого доброго дела» (2006, с. 234). Святитель Игнатий (Брянчанинов) (2003) особо предостерегал от прелести, когда человек начинает приписывать себе духовные дары.

Личный духовный опыт – истинное старчество всегда основывается на многолетнем аскетическом подвиге (Варнава (Беляев), 1998, т. 1, с. 210). Преподобный Симеон Новый Богослов пишет: «Никто не может быть истинным учителем, если сам не был учеником и не прошёл весь путь послушания» (2006, с. 178).

Любовь и уважение к свободе человека. Как писал митрополит Антоний Сурожский, «цель духовного руководства не в том, чтобы создать зависимых учеников, но в том, чтобы помочь человеку стать полностью самим собой, в полной мере реализовать свой потенциал как образа Божия» (2010, с. 67).

Верность церковному преданию. Как отмечал святитель Игнатий (Брянчанинов), «духовный руководитель должен быть верным сыном Православной Церкви, во всём согласным с её учением и преданием» (2003, с. 412).

Проблема младостарчества была официально признана Русской Православной Церковью в определении Архиерейского Собора 2000 г. и ещё ранее – в постановлении Священного Синода от 28 декабря 1998 г. (Постановление Священного Синода..., 1998; О вопросах внутренней жизни..., 2011). С тех пор тема неоднократно поднималась в выступлениях иерархов и публикациях богословов, однако до настоящего времени остаётся актуальной (Емельянов, 2019).

Можно выделить несколько ключевых отличий младостарчества от истинного старчества:

1. Младостарец не обладает подлинным даром рассуждения и даёт формальные, шаблонные, нередко чрезмерно жёсткие советы.
2. В отличие от истинного старца, руководствующегося любовью, младостарец часто движим властолюбием, тщеславием и стремлением к контролю (Ларше, 2021).
3. Если истинный старец уважает свободу человека, то младостарец требует слепого механического послушания, подавляя личность (Антоний (Блум), 2018).
4. Истинный старец действует в рамках церковного предания, тогда как младостарец нередко вводит произвольные правила, не имеющие оснований в традиции.
5. Истинное старчество находится в гармонии с церковной иерархией, тогда как младостарчество часто ведёт к обособлению группы «избранных» и конфликтам с церковной властью (Нектарий (Морозов), 2019).

Обратимся к конкретным примерам, зафиксированным в церковной практике и исследовательской литературе.

Одним из наиболее показательных и широко обсуждавшихся случаев является история схиигумена Сергия (Романова) – насельника Среднеуральского монастыря, который в 2020 г. был лишён сана. На протяжении ряда лет он демонстрировал классические черты младостарчества: требовал от своих духовных чад беспрекословного послушания в вопросах брака, профессии, образования детей; создавал замкнутое сообщество «избранных», противопоставлявшее себя как светскому обществу, так и церковной иерархии; апеллировал к особому харизматическому авторитету для обоснования отступлений от позиции священноначалия. Данный случай неоднократно обсуждался в церковной и светской прессе и был охарактеризован иерархами как наглядный пример младостарчества, переросшего в раскол.

Другой, менее радикальный, но значительно более распространённый тип младостарческой практики фиксирует протоиерей Николай Емельянов (2019, с. 148–162) в своём социологическом исследовании: приходские священники в ряде епархий систематически брали на себя решение всех жизненных вопросов прихожан – вплоть до выбора врача, места работы и режима дня детей, – мотивируя это необходимостью «духовного послушания» и угрожая лишением причастия в случае несогласия. Эта практика создавала устойчивую психологическую зависимость и в ряде случаев приводила к серьёзным личностным кризисам у прихожан.

М. С. Филоник (2015, с. 111–115) на основе клинических случаев описывает типичный психологический портрет человека, пережившего опыт младостарческого руководства: утрата способности к самостоятельному принятию решений, выраженное чувство вины и стыда, нарушение личностных границ, в ряде случаев – полный отход от Церкви. Игумен Нектарий (Морозов) (2019, с. 78–94) подробно описывает механизмы формирования такой зависимости: внушение мысли о духовнике как единственном посреднике между человеком и Богом, культивирование страха потерять его расположение, изоляция от других источников духовной поддержки.

Младостарцы стремятся контролировать выбор профессии, места жительства, брачного партнёра, мелкие бытовые решения, требуя беспрекословного послушания и мотивируя свои требования ссылкой на «волю Божию» (Емельянов, 2019, с. 143-156). При этом используется искажённое понимание монашеского послушания, механически переносимого на отношения священника и мирянина.

Младостарец стремится стать незаменимым посредником между человеком и Богом, внушая мысль, что без его руководства спасение невозможно. Митрополит Антоний (Блум) (2018, с. 112-125) подчёркивал, что подлинное пастырство заключается в освобождении человека, а не в порабощении его воли.

Если в подлинной духовной традиции послушание понимается как свободный и сознательный акт, направленный на преодоление самоволия и гордости, то в практике младостарчества оно превращается в слепое подчинение и отказ от личной ответственности (Воробьев, 2005, с. 98-112). Митрополит Антоний (Блум) (2018, с. 145-167) категорически возражал против такого понимания послушания, утверждая, что оно превращает духовное руководство в духовное насилие.

Массовое уничтожение монастырей, физическое истребление монашества и духовенства в советский период, запрет на религиозное образование привели к серьёзному нарушению преемственности старческой традиции (Шкаровский, 2010, с. 456-478). В период церковного возрождения конца 1980-х годов наблюдался острый дефицит опытных духовников, однако общественный запрос на духовное окормление был чрезвычайно высок. Протоиерей Николай Емельянов (2019) убедительно показывает, что этот дисбаланс создал благоприятную почву для возникновения суррогатов духовного руководства.

Десятилетия тоталитарного режима сформировали у многих людей потребность в авторитарном лидере и готовность к безусловному подчинению (Левада, 2001, с. 7-16). Кризис идентичности постсоветского периода, поиск новых ценностных ориентиров усиливали эту тенденцию: многие люди, приходившие в Церковь в 1990-е годы, искали однозначных ответов на все вопросы и готовых рецептов жизни (Дубин, 2000, с. 14-21). Сами священнослужители, выросшие в той же социальной среде, нередко бессознательно воспроизводили модели авторитарного поведения, перенося их в сферу пастырского служения.

Существенным фактором является недостаточное знание православного богословия и аскетической традиции как среди мирян, так и среди части духовенства. В условиях информационного голода начала постсоветского периода многие верующие формировали представление о православной традиции на основе буквалистского прочтения житийной литературы (Пестов, 1996, кн. 1, с. 134). Некоторые священнослужители, не имея достаточной подготовки, механически воспроизводили внешние формы старческого руководства без понимания их внутреннего содержания. И. К. Смолич (1997, с. 345-389) чётко показал различие между институциональным священством и харизматическим служением старца, однако это различие не всегда усваивается в полной мере. Ж.-К. Ларше (2021, с. 178-201) раскрывает, как неочищенные страсти – особенно властолюбие и тщеславие – могут маскироваться под «духовные дары».

Одно из последствий младостарчества – это искажение религиозного сознания. В условиях авторитарного духовного руководства Бог начинает восприниматься как грозный Судья, требующий прежде всего внешнего послушания. Такой образ Бога порождает не сыновнюю любовь и доверие, а страх наказания (Воробьев, 2005, с. 145-162). Митрополит Антоний (Блум) (2018, с. 89-103) подчёркивал, что искажение образа Бога является одним из тяжелейших последствий неправильного духовного руководства.

Люди, пережившие опыт младостарческого руководства, часто испытывают чувство вины, стыда, утраты самоидентичности, неспособности к самостоятельному принятию решений (Филоник, 2015, с. 107-118). В наиболее тяжёлых случаях это приводит к полной утрате веры и отходу от Церкви. Игумен Нектарий (Морозов) (2019, с. 156-178) показывает, что восстановление после такой травмы требует длительной работы и нередко профессиональной психологической помощи.

На уровне общины младостарчество приводит к формированию нездоровой атмосферы, характеризующейся разделениями, взаимным осуждением, противопоставлением «духовных» и «недуховных» (Митрофанов, 2002, с. 345-367). В крайних случаях – к конфликтам с церковной иерархией и расколам (Кураев, 2009, с. 234-256). Случаи младостарчества становятся предметом критики со стороны СМИ и используются для дискредитации Церкви в целом, создавая препятствия для миссионерской деятельности (Дубин, 2000, с. 18-21; Фудель, 2004, с. 75).

Пути преодоления проблемы младостарчества:

1. Необходимо чёткое различие между институциональной властью священника и харизматическим служением старца (Смолич, 1997, с. 401-423). Важно развитие богословского понимания свободы человека (Антоний (Блум), 2018, с. 201-219; Свешников, 2000, с. 156), уважение к свободе личности является сущностной характеристикой подлинного духовного руководства. Необходимо также богословское осмысление различий между монашеским и мирским путями духовной жизни, чтобы избежать механического переноса монастырских практик в мирскую среду (Шмеман, 2003). Митрополит Иерофей (Влахос) (2020, с. 289-312) обосновывает, что истинный наставник должен сам пройти путь исцеления от страстей, а Ж.-К. Ларше (2021, с. 234-267) раскрывает, как неочищенные страсти искажают духовное руководство.

2. Совершенствование подготовки духовенства должно включать не только передачу богословских знаний, но и формирование навыков пастырского самоанализа, осознания собственных психологических установок и границ своих возможностей. Просвещение мирян должно быть направлено на формирование зрелого, ответственного отношения к духовной жизни и способности различать подлинное и ложное духовное руководство (Емельянов, 2019, с. 234-267). Игумен Нектарий (Морозов) (2019, с. 201-234) подчёркивает важность формирования у верующих способности распознавать манипуляции и нездоровые формы влияния.

3. Укрепление механизмов церковного управления и надзора предполагает развитие практики регулярных архипастырских визитаций, создание доступных каналов для обращений верующих в случае злоупотреблений, а также выработку чётких процедур рассмотрения жалоб на действия духовенства. Официальные церковные документы неоднократно подчёркивали необходимость таких мер (Постановление Священного Синода..., 1998; О вопросах внутренней жизни..., 2011).

4. Развитие культуры здорового церковного общения предполагает формирование в приходских общинах атмосферы взаимного уважения и братской поддержки, в которой духовное руководство осуществляется в диалоге, а не в форме директивного управления. Протоиерей Владимир Воробьев (2005, с. 98-251) особо подчёркивает, что духовник должен воспитывать в человеке способность к самостоятельному духовному рассуждению и ответственности перед Богом, а не создавать зависимость от себя.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Старчество представляет собой уникальное явление православной духовной традиции, характеризующееся особым харизматическим служением, основанным на личном духовном опыте, даре рассуждения, глубоком смирении и любви. Это не институциональная должность, а особое призвание, обусловленное действием благодати Божией и подтверждаемое духовными плодами (Смолич, 1997; Иерофей (Влахос), 2020).

Терминологический анализ показывает, что ключевым разграничительным критерием между старцем и младостарцем является не биологический возраст и не стаж священнослужения, а духовный возраст – степень очищения от страстей, мера смирения и подлинность дара рассуждения. Биологический и духовный возраст могут существенно расходиться, что делает понятие «младостарчество» не возрастной, а качественной характеристикой.

Младостарчество представляет собой системное явление, обусловленное комплексом исторических, социальных, психологических и внутрицерковных факторов. Постсоветский период создал для него особенно благоприятные условия, хотя предостережения против подобных явлений встречаются уже в аскетической письменности XIX века. Конкретные случаи – от широко известной истории схиигумена Сергия (Романова) до многочисленных приходских примеров, зафиксированных в социологических исследованиях, – свидетельствуют о том, что речь идёт не об единичных злоупотреблениях, а о воспроизводящейся модели.

Последствия младостарчества затрагивают как отдельных верующих, приводя к искажению религиозного сознания, психологическим травмам и потере веры, так и церковное сообщество в целом, способствуя формированию нездоровой церковной атмосферы и снижению авторитета Церкви (Нектарий (Морозов), 2019; Антоний (Блум), 2018).

Предложенные пути преодоления проблемы охватывают четыре уровня: богословский, образовательный, институциональный и пастырско-практический. Проблема не может быть решена только административными мерами: необходим комплексный подход, включающий богословское просвещение, совершенствование духовного образования, развитие церковных институтов и формирование здоровой церковной культуры (Емельянов, 2019).

Перспективы дальнейшего исследования включают более глубокое догматическое осмысление соотношения харизматического и институционального начал в Церкви, разработку богословского критерия для различения действий благодати и прелестных состояний, а также детальное изучение механизмов передачи старческой традиции в периоды гонений XX века.

Материалы исследования | Research materials

1. Антоний (Блум), митрополит. Пастырство. Мн.: Издательство Белорусского Экзархата, 2018.
2. Антоний (Блум), митрополит Сурожский. Духовничество. М.: Фонд «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского», 2010.
3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: в синодальном переводе. М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2011.
4. Варнава (Беляев), епископ. Основы искусства святости: в 8 т. Н. Новгород: Издательство Братства во имя святого князя Александра Невского, 1998.
5. Воробьев В. Н., протоиерей. Покаяние, исповедь, духовное руководство. М.: Издательство ПСТГУ, 2005.
6. Древний патерик, изложенный по главам / перевод с греческого. М.: Правило веры, 2006.
7. Зоберн В. М. Старцы и пастыри. Духовные наставники России. М.: Благо, 2006.
8. Игнатий (Брянчанинов). Приношение современному монашеству // Игнатий (Брянчанинов). Полное собрание творений: в 8 т. М.: Паломник, 2003. Т. 5.
9. Иоанн Кассиан Римлянин. Писания / перевод с латинского. М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993.
10. Иоанн Лествичник. Лествица, возводящая на небо / перевод с греческого. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2007.
11. Исаак Сирин. Слова подвижнические. М.: Правило веры, 2006.
12. Лоргус А., протоиерей. Православная антропология: курс лекций. М.: Граф-Пресс, 2003.

13. Митрофанов Г., протоиерей. История Русской Православной Церкви. 1900-1927: учебное пособие. СПб.: Сатисъ, 2002.
14. Нектарий (Морозов), игумен. Путь к свободе. О зависимости от людей, вещей и идей. М.: Никея, 2019.
15. О вопросах внутренней жизни и внешней деятельности Русской Православной Церкви: определение Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви от 4 февраля 2011 года. <https://pravobraz.ru/opredelenie-osvyashhennogo-arxierejskogo-sobora-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi-o-voprosax-vnutrennej-zhizni-i-vneshnej-deyatelnosti-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi-ot-4-fevralya-2011-goda/>
16. Пестов Н. Е. Современная практика православного благочестия: в 2 кн. СПб.: Сатисъ, 1996.
17. Постановление Священного Синода Русской Православной Церкви от 28 декабря 1998 года «О младостарчестве». <https://religare.ru/3559310>
18. Свешников В., протоиерей. Очерки христианской этики: учебное пособие. М.: Паломник, 2000.
19. Симеон Новый Богослов. Слова. М.: Правило веры, 2006.
20. Феофан Затворник. Что есть духовная жизнь и как на неё настроиться. М.: Правило веры, 2009.
21. Фудель С. И. У стен Церкви. М.: Русский путь, 2004.

Источники | References

1. Балашов Н. В., протоиерей. На пути к литургическому возрождению. М.: Культурно-просветительский центр «Духовная библиотека», 2001.
2. Великанов П. И., протоиерей. Проблема «младостарчества» в современной церковной жизни // Богословский вестник. 2019. Т. 33, № 2.
3. Дубин Б. В. Православие в социальном контексте // Индекс/Досье на цензуру. 2000. № 11.
4. Емельянов Н. Н., протоиерей. «Жатвы много, а делателей мало»: проблема взаимодействия священников и мирян в современной России. М.: Издательство ПСТГУ, 2019.
5. Игнатия (Пузик), монахиня. Старчество на Руси. М.: Издательство Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1999.
6. Иерофей (Влахос), митрополит. Православная психотерапия. Святоотеческий курс врачевания души / перевод с греческого. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2020.
7. Каллист (Уэр), митрополит. Православная Церковь. М.: Библейско-Богословский институт святого апостола Андрея, 2001.
8. Концевич И. М. Оптина Пустынь и её время. Джорданвилль: Свято-Троицкий монастырь, 1970.
9. Кураев А., диакон. Церковь в мире людей. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2009.
10. Ларше Ж.-К. Духовное бессознательное: православная концепция и критика Фрейда / пер. с фр. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2021.
11. Левада Ю. А. Советский человек: проблема реконструкции исходных форм // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 2 (52).
12. Сидоров А. И. Древнехристианское монашество в исследованиях патролога А. И. Сидорова // Патрология. Церковная история: сборник трудов. М., 2019.
13. Смолич И. К. Русское монашество: 988-1917. Жизнь и учение старцев. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 1997.
14. Филоник М. С. Психологические аспекты феномена «младостарчества» // Консультативная психология и психотерапия. 2015. Т. 23, № 5.
15. Флоровский Г. В., протоиерей. Пути русского богословия. Париж: YMCA-Press, 1983.
16. Четвериков С., протоиерей. Молдавский старец Паисий Величковский. Его жизнь, учение и влияние на православное монашество. Мн.: Издательство Белорусского Экзархата, 2006.
17. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Вече; Лепта, 2010.
18. Шмеман А., протоиерей. За жизнь мира / перевод с англ. М.: Паломник, 2003.

Информация об авторах | Author information

RU Бельдюгин Павел Станиславович¹
¹ Казанская православная духовная семинария

EN Pavel Staniclavovich Beldyugin¹
¹ Kazan Orthodox Theological Seminary

¹ beldyugin_pavel@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 25.02.2026; опубликовано online (published online): 03.04.2026.

Ключевые слова (keywords): Русская Православная Церковь; духовное руководство; духовная прелесть; пастырское богословие; постсоветская религиозность; Russian Orthodox Church; spiritual guidance; spiritual delusion (prelest); pastoral theology; post-Soviet religiosity.